

*Александр Казинцев
г. Москва, Россия*

**ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС
«ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА НАШЕГО ВРЕМЕНИ
ТОЛПЫ НА ПЛОЩАДЯХ»**

Магнетически притягивающая пустота посреди площади. Слева — толпа. Она пульсирует, выбрасывает людские потоки в стороны, втягивает их, высылает смельчаков в пустую зону перед собой и грозно гомонит, смыкаясь за ними. Справа — ровные, будто по линейке вычерченные, ряды в униформе мышинового цвета. Круглятся блестящие, неправдоподобно большие, как у космонавтов, шлемы, дубинки мерно рокочут, ударяясь о пластиковые щиты. За цепочками в униформе притаились микроавтобусы с мигалками, крытые грузовики, гигантская металлическая черепаха водомёта.

Через несколько минут эти громады, скопившиеся друг против друга, дрогнут. Мышиные ряды расступятся, освобождая дорогу технике. Десятки рук с булыжниками и бутылками взметнутся в толпе, и пустое пространство посередине захлестнет людская волна.

Такие кадры чуть ли не ежедневно открывают выпуски новостей. Разумеется, не на российских каналах, впавших в летаргический морок, который вряд ли рассеется и после пресловутого 2008-го. Но стоит переключить телевизор хотя бы на «Евроньюс», доступный у нас, во всяком случае, в столице, и вот они — разъяренные толпы.

В начале года погромыхивало на средиземноморской периферии. Западные державы выдавливали Сирию из Ливана, где ее войска стояли три десятка лет после окончания гражданской войны. Глава спецкомиссии ООН немецкий еврей Мехлис напористо подводил к резолюции Совбеза, вводящей санкции против Дамаска, после чего реальностью становились разработанные в Вашингтоне и Тель-Авиве планы военного удара по Сирии.

Тогда на площади вышли миллионы. В Дамаске молодой президент Башар Асад, которого западные аналитики поспешили списать как отыгранную фигуру, произнес «сталинскую» речь: напомнив, что трусов бьют, он поклялся не идти на поклон к «мировому сообществу». В Бейруте на миллионном митинге (на площадь вышла четвертая часть населения крошечного Ливана!) лидер «Хезбаллы» шейх Хасан Насралла заявил: «Я об-

ращаюсь к вам, Америка и Израиль, Ливан — это не Украина и не Грузия. У вас здесь ничего не получится» («Завтра». № 29, 2006).

Печально, конечно, что незалежные обрывки некогда могучего Союза стали притчей во языцех, мировым символом бесхребетности, но, согласитесь, сказано здорово! Шейх подкрепил свое слово делом. На выборах «Хезбалла» добилась значительного представительства в ливанском парламенте, а затем дала достойный отпор израильской агрессии.

В феврале запылал весь исламский Восток. Ряд западноевропейских газет перепечатал провокационные карикатуры на пророка Мухаммеда из датской «Юлландс-постен». Многотысячекилометровая дуга от Марокко до Индонезии раскалилась от гнева. И это не риторическая метафора! В Дамаске и Тегеране распаленные толпы, смяв полицейские оцепления, разгромили и сожгли посольства Дании. А там пришел черед и других западных представительств. В Джакарте (Индонезия) демонстранты прорвались к американскому посольству и закидали его камнями. Полиция благочестиво бездействовала. А вот в Бенгази (Ливия) и Бейруте полицейские, остервенясь, стреляли по людям. В Ливии погибли 11 человек, ранено более полусотни. В Ливане, возмущенный жестокостью своих подчиненных, ушел в отставку министр внутренних дел. «Я в ливанцев не стреляю!» — на прощание отчеканил он («Евроныюз». 6.02.2006).

Особенно бурным выдался первый месяц весны. В Лос-Анджелесе на демонстрацию протеста против антииммиграционного законодательства, предложенного Бушем, вышли 1,2 млн человек. Одно из крупнейших выступлений в современной истории Соединенных Штатов! Даже митинги противников войны в Ираке в 2003-м собирали меньше участников. Кстати, не осталась забытой и годовщина начала вторжения: 19—20 марта шествия пацифистов состоялись в странах коалиции — США, Великобритании, Австралии.

Участница протестов англичанка Хелен Джон, которую в прошлом году выдвигали на Нобелевскую премию мира, с горечью отмечала: «Мы видели два миллиона людей, стоявших в Гайд-парке, и Тони Блэр не испытывал угрызений совести, игнорируя их. Хотя огромное количество британцев против того, что делает правительство, единственной формой протеста является прямое действие (выделено мною. — А. К. — Я еще не раз вернусь к анализу подобных ситуаций). Мы должны устраивать демонстрации у баз, где находятся орудия убийства» («Индепендент». 7.04.2006. Цит. по: Inopressa.ru).

30 марта накал страстей могла прочувствовать Кондализа Райс. Во время визита в Англию она попыталась сделать расчетливый пиаровский жест в традициях американской публичной дипломатии — посетила британскую глубинку. Однако жители выбранного для этой цели городка Блэкберн не оценили оказанной им чести. Они встретили высокопоставленную визитершу мощными пикетами («Европьюс». 31.03.2006).

Антивоенные манифестации накладывались на традиционный для Запада социальный протест. Даже в тихой Швейцарии на улицу вышли врачи. В Германии в течение месяца бастовали медики, докеры, государственные служащие. Поправевшая черно-красная коалиция умудрилась всего за полгода растерять значительную часть популярности.

«Два берега Ла-Манша — две забастовки» — броский заголовок в лондонской «Гардиан» оповещал о том, что происходит на западе континента. В конце марта в Англии прекратили работу более 1 млн муниципальных служащих. Во Франции профсоюзы, поддержавшие студентов, вывели на демонстрации 3 млн человек («Европьюс». 29.03.2006)! «Только массовый протест откроет глаза этой власти», — горячился парижский студент, возмущенный правительственной реформой высшего образования («НТВ», Новости. 1.04.2006).

Еще одним событием, выплеснувшим на улицы сотни тысяч людей, стала смерть Слободана Милошевича. Между прочим, он — четвертый сербский лидер, погибший в стенах гаагской тюрьмы («Независимая газета». 13.03.2006)! Накануне гибели Милошевич написал письмо министру иностранных дел России С. Лаврову, где просил спасти его, высказывая опасения за свою жизнь. Даже западные газеты назвали смерть экс-президента Югославии «загадочной» (австрийская «Стандарт», 18.03.2006).

В девятимиллионной Сербии проститься с президентом-мучеником пришли полмиллиона. Люди скандировали: «Гаага — убийца!», «Сербия, вставай!». И трогательный, хотя и безответный клич: «Россия! Россия! Россия!». Россия не спасла Милошевича. И после смерти не осмелилась почтить его на государственном уровне. Официальную Москву на похоронах представлял депутат от «Единой России» К. Затулин. Зато те, кто слышал «Рябинушку», пронзительно и обреченно прозвучавшую над могилой, знают: душа России была в Пожароваце! И на какой-то страшный миг показалось: это прощание и с нею — с русской мощью, широтой, жертвенным чувством справедливости, не раз побуждавшим наш народ вставать на защиту славянских братьев.

Позорным было поведение сербских властей — они проигнорировали похороны знаменитого соотечественника. Побоялись окрика с Запада и предстали перед собственным народом и всем миром жалкими марионетками, твердящими заученные фразы о «движении к демократии» в момент гибели страны.

Окрик все равно раздался! Вечером 11 марта — в день гибели Милошевича — министр иностранных дел Великобритании Джек Стро на пресс-конференции по завершении саммита Евросоюза в Вене потребовал от Белграда активнее сотрудничать с Гаагским трибуналом в розысках последних лидеров сербского сопротивления — Караджича и Младича. А член Европейской комиссии по вопросам расширения ЕС Олли Рен пригрозил Сербии приостановить переговоры об ассоциированном членстве, если та не выдаст Младича до конца марта (NEWSru.com).

Какая же ненависть к славянству, этой гордой, бесшабашной и, увы, так плохо организованной расе, сидит в чинных евробюрократах! И не только в политиках. Дирекция знаменитой «Комеди Франсез» отказалась от постановки пьесы известного австрийского драматурга Петера Хандке, узнав, что он присутствовал на похоронах Милошевича («Евроньюс». 4.05.2006).

В апреле центр противостояния «объединенного народа» и «объединенного правительства» (остроумная терминология субкоманданте Марко-са) переместился в экзотический Непал. В высокогорном королевстве началась всеобщая забастовка. Требования — ограничение власти монарха и созыв распущенного в 2001 году парламента. День за днем жители Катманду выходили на демонстрации. Король ввел в столице чрезвычайное положение. Полиция открыла огонь по толпе. Погибли 15 человек. Но уже на следующий день протестующие снова заполнили улицы.

Какой впечатляющий пример! Не могу не сказать о наболевшем: наши трусоватые обыватели в кухонных разговорах любят попенять российским оппозиционерам — что-то не видно активных действий. Не собираясь защищать лидеров оппозиции, комфортно устроившихся в Думе, все-таки замечу: если бы русские проявили хоть толику решимости и жертвенности непальцев, то думцам не оставалось бы ничего другого, как возглавить протест.

Опыт народных движений показывает: не вожди ведут массы, а массы ведут вождей, буквально выталкивая их вперед, заставляя действовать. В том же Непале оппозиция, получив власть (после месячного противостояния король вынужден был созвать парламент), медлила с декретом об ограничении полномочий монарха. Ну, разумеется, лидеры партий — часть той же эли-

ты. Слабейшая часть — поэтому они и оказались в оппозиции, но круг-то общий! Вернувшись в среду избранных благодаря народному мужеству, они первым делом попытались предать массы и договориться с бывшим противником. Раскусив эти намерения, толпы снова заполнили улицы, скандируя: «Не обманите ожидания народа!» («Коммерсантъ». 17.05.2006). И долгожданный декрет был тотчас принят, причем единогласно.

Русские, заставьте и наших оппозиционеров проявить твердость! Но для этого необходимо и самим не превращаться в размазню...

В мае напомнили о себе антиглобалисты. Почти год они не терзали руководителей крупнейших мировых банков и правительств, и те с удовольствием наслаждались своим могуществом. На пике этого самообольщения в Вене был затеян саммит Евросоюз — Латинская Америка с ожидавшейся на нем показательной «поркой» революционных руководителей Венесуэлы и Боливии. В ответ сто тысяч антиглобалистов со всего мира приехали в Вену поддержать Уго Чавеса и Эво Моралеса. И этой многоголосой поддержки оказалось достаточно, чтобы латиноамериканцы выступили на саммите не как мальчики для битья, а как триумфаторы. После чего Моралес и Чавес присоединились к своим сторонникам на улице и возглавили многотысячное ночное шествие («Завтра». № 20, 2006).

В июне проснулся Крым. К сведению шейха Насраллы и прочих арабских пассионариев: Украина — разная. И если ее «оранжевая» часть действительно может служить примером сервильности, ротозейского преклонения перед Западом, то левобережье Днепра и Крым учатся (в том числе и на собственных ошибках) бороться за свои интересы.

Феодосийские домохозяйки при ограниченной поддержке местных казачков в течение двух недель были главными ньюсмейкерами постсоветского пространства. Они блокировали передовой отряд американских военных, прибывших для подготовки учений «Си Бриз-2006». Натовско-украинские игрища в этом году должны были проходить согласно провокационному сценарию: на полуострове вспыхивают массовые беспорядки, соседняя держава вмешивается, пытаясь отторгнуть территорию от Украины, а подоспевшие натовские воюки восстанавливают спокойствие и целостность незалежной.

Но события развивались по другому сценарию. Жители Феодосии, куда прибыл американский корабль, не пустили десантников в город. Украинские власти попытались перевести их в поселок Партенит, но и тут местные жители перекрыли дорогу. Неудобных гостей буквально спрятали

в ведомственный санаторий Минобороны Украины в Алуште. Персонал здравницы отказался обслуживать их, отключил воду и электричество! Толпы крымчан окружили санаторий, скандируя: «Оккупанты, руки прочь от Украины!», «Долой оранжевое свинство, даешь славянское единство!»

Происходящее все больше напоминало популярный советский телесериал «Ну, погоди!». Хотя, конечно же, за озорные эскапады вскоре пришлось расплачиваться. Совет безопасности Украины занялся поисками «врагов государства». Участников пикетов начали вызывать на допросы. Главного феодосийского милиционера Анатолия Мирошниченко киевское начальство попыталось уволить, видимо, за недостаточную жесткость по отношению к митингующим. Тогда лидер фракции «Союз» в Верховном совете автономии Владимир Клычников пригрозил не по уму ретивым силовикам: «Вы только попробуйте, граждане милиционеры, поднять палку хоть на одного гражданина Крыма! Поверьте, палка найдется и для вас!» («Коммерсантъ». 7.08.2006).

Как бы то ни было, американские засланцы вынуждены были ретироваться. 11 июня сотрудник пресс-центра ВМФ Украины объявил, что автобусы с морпехами покинули Феодосию и направляются в Симферопольский аэропорт, чтобы вернуться на родину.

Чуть ли не впервые за последние 15 лет славяне проявили твердость — и, глядите-ка, победили!

В середине лета забурлила Латинская Америка. 4 июля в Мексике состоялись президентские выборы. Социологические опросы фиксировали преимущество кандидата от оппозиции — левого харизматика Лопеса Обрадора. Однако центризмбирком после некоторых колебаний объявил о победе ставленника партии власти правого политика Фелипе Кальдерона. Разрыв между ним и Обрадором якобы составил 0,56 процента.

Нам ли в России объяснять, как это делается. Но вскоре выяснилось, что не везде административный ресурс решает все проблемы. Обрадор призвал провести ручной пересчет бюллетеней, власти досадливо отмахнулись: еще чего! И тогда народный кандидат вывел на улицы Мехико своих сторонников. В количестве ни много ни мало двух миллионов.

«Ранним утром воскресенья, — живописал корреспондент «Коммерсанта», — улицы столицы начали заполнять сторонники оппозиции, откликнувшиеся на призывы своего лидера. Местом сбора стала Сокало — центральная площадь Мехико. К полудню количество митингующих, по

оценкам городских властей, перевалило за 2 млн, и люди начали занимать прилегающие улицы... Сторонники господина Лопеса Обрадора разбили палатки посреди площади и на центральных улицах, полностью парализовав движение автотранспорта» («Коммерсантъ». 1.08.2006).

Неделю спустя левые собрались у здания избирательного трибунала, приступившего к рассмотрению требования о пересчете бюллетеней. Толпа скандировала: «Не будет резолюции — устроим революцию!» («Коммерсантъ». 7.08.2006).

Ситуация, напоминающая киевскую образца 2004 года. С той лишь разницей, что ныне госдеп США не только не требует «честного» пересчета голосов, но последними словами клянет Обрадора. На что с плохо скрываемым злорадством не преминули указать официальные российские СМИ. Впрочем, дело не в мелочной пикировке Москвы и Вашингтона. Болезненная реакция госдепа показывает, что там всерьез рассматривают Обрадора как одного из лидеров «левого поворота», охватившего всю Латинскую Америку. А это позволяет надеяться, что любимец мексиканской Сокало в отличие от кумира киевского Майдана станет подлинным защитником народных интересов.

К наиболее значительным из помянутых здесь событий мы еще вернемся. А пока прервем хронику. Боюсь, что у неискушенного читателя и так уже голова идет кругом от многообразия дат, цифр и географических названий.

Но мне, признаюсь, дорог каждый поворот, любое завихрение этого мощного потока. Он впечатляет и сам по себе: миллионы людей на разных континентах отстаивают свои интересы. Безусловно, эти интересы разнятся, так же как различаются причины выступлений. Не претендую на то, чтобы дать им обобщающую оценку, да это и вряд ли возможно. Но в них — именно в их разнообразии и множественности — мне видится торжество и истории. И в конечном счете, справедливости — ибо путеводной нитью истории является справедливость. Если рассматривать исторический процесс с христианской точки зрения.

В начале 90-х казалось, что история умерла — в прямом соответствии с концепцией, ко времени обнаруженной в Соединенных Штатах. Pax Americana был объявлен венцом мирового развития. А противостоявшая сверхдержава, поверженная в «холодной войне», шельмовалась как «империя зла». В том числе — и прежде всего — на территориях, еще вчера контролируемых ею.

Все это слишком известно. Но обратите внимание — эпоха падения Советского Союза стала временем сокрушительного поражения масс. Причем не только на постсоветском пространстве, но и по всему миру. Еще

недавно — начиная с 60-х и до конца 80-х — массы находились в центре исторической сцены. Студенческая революция в Париже, положившая конец правлению военного харизматика де Голля. «Революция гвоздик» в Португалии, едва не вовлекшая ее в социалистический лагерь. Успехи на выборах в Испании и в Италии еврокоммунистов, позиционировавших себя в качестве защитников народа. А какой размах приобрело антивоенное движение! Америке так и не удалось разместить в Западной Европе новейшую разработку того времени — крылатые ракеты: десятки тысяч людей, взявшись за руки, блокировали базы НАТО. Живые цепи протягивались через весь континент. 60—80-е годы — это и время наивысших социальных завоеваний. Социал-демократам, пришедшим к власти почти во всех западноевропейских столицах, и профсоюзам удалось-таки засадить предпринимателей за столы переговоров с работниками и образовать со-гласительные комиссии, где решались вопросы развития производства, расширения штатов, оплаты труда.

И вот все кончилось — разом! Даже политологам нелегко будет припомнить массовые выступления 90-х. Национальные забастовки стали бесплодной архаикой. Многотысячные демонстрации — экзотикой. Антивоенное движение сдулось, как лопнувший шарик.

Массы были разгромлены политически. Власть потеряли не только правившие в Восточной Европе и в СССР коммунисты, но и умеренные социал-демократы Западной Европы. Такие бастионы левых, как Швеция, Франция, Греция, Испания и Португалия, перешли под контроль правых правительств. Красная и розовая краски исчезли тогда даже с политической карты Латинской Америки, самым географическим положением обреченной на противоборство с североамериканским капитализмом, а значит, и на левизну. Терпят поражение сандинисты в Никарагуа. Фанатичные монетаристы приходят на смену социально ориентированным режимам в Бразилии, Аргентине, Мексике. А по другую сторону Атлантики арабский мир окончательно отрекается от социалистического наследия Насера. С войною, с кровью рушатся прокоммунистические режимы в Южном Йемене, Сомали, Эфиопии, Афганистане.

Тем, кто язвительно заметит, что нельзя же всерьез воспринимать социальную риторику комноменклатуры, отвечу: насколько действенно и убежденно отстаивали народные интересы руководители СССР и стран советского блока — тема особого разговора. В данном случае существенно

то, что смена власти шла не под лозунгом болееэффективного проведения социальной политики, а под девизом тотального отказа от нее. Разве что нас в эпоху Горбачева прельщали обещанием — «Больше социализма!» Однако и в СССР оно скоро сменилось призывом «Довольно уравниловки!» А в Восточной Европе дело сразу повели к демонтажу всего, что хотя бы отдаленно напоминало о социализме. К власти повсеместно пришли ярые либералы-реформаторы, которые не скрывали, что делают ставку на «шоковую терапию», господство «сильных» и отказ от трудовой солидарности. Схожие идеи обрели популярность и на Западе: «Хватит кормить бездельников!» — призывали те, кто обвинял социал-демократов в «чрезмерных» расходах на программу социальной защиты.

Смена режимов — лишь один из признаков коренного изменения ситуации. Куда более ощутимыми для простых людей стали экономические перемены. В России новации отозвались болезненнее, чем где-либо. Цены взлетели в тысячи раз! Сбережения населения сгорели в инфляционном пожаре. Предприятия, в том числе кормившие целые города, обанкротились и либо были закрыты, либо месяцами не выплачивали зарплату.

Воображение враз обнищавших россиян в те времена особенно мучительно терзал образ богатого, благополучного Запада. Он манил, возмущал, властвовал над нами! Но почитайте, что писали в 1996 году ведущие сотрудники немецкого журнала «Шпигель» Ганс-Петер Мартин и Харальд Шуманн: «Цены акций и корпоративные доходы поднимаются двузначными скачками, тогда как заработная плата рабочих и служащих падает. В то же время параллельно с дефицитами национальных бюджетов растет уровень безработицы». Приведя ряд впечатляющих примеров, авторы с горечью подводили итог: «От граждан непрерывно требуют жертв, в то время как бюрократы из системы страхования на случай болезни, экономисты, эксперты и министры наперебой жалуются, что немцы (тем более австрийцы) работают слишком мало, зарабатывают слишком много, слишком часто болеют и имеют слишком много отпусков. Им вторят журналисты газет и телевидения, утверждающие, что западное общество с его высоким уровнем запросов сталкивается с необходимостью самоограничения, типичного для азиатского общества, что государство всеобщего благоденствия «стало угрозой нашему будущему» или что «неизбежно усиление социального неравенства» (Мар тин Г. П., Шуманн К. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. Пер. с нем. М., 2001).

Болезни «старой Европы», не выдерживающей конкуренции с Рах Americana? Раскроем книгу американского экономиста Лестера Туроу: «К концу 1994 года реальные заработки вернулись к уровню конца 50-х гг. Если нынешние тенденции продолжатся, то в конце столетия реальные заработки будут ниже, чем в 1950 г. Полстолетия не принесло никакого выигрыша в реальной зарплате рядовому рабочему. Такого в Америке никогда не было» (Туроу Л. Будущее капитализма. Пер. с англ. Новосибирск, 1999). Впрочем, кое-кто из американцев все-таки оказался в выигрыше! «К началу 90-х гг., — отмечает Туроу, — доля богатства, принадлежащая одному верхнему проценту населения (более 40%), по существу удвоилась по сравнению с серединой 70-х гг. И вернулась к той, что была в конце 20-х гг., до введения прогрессивного налогообложения».

Америка оказалась отброшенной даже не на полвека назад, а чуть ли не на столетие — ко временам, когда еще не был создан механизм перераспределения доходов (прогрессивное налогообложение) и отсутствовала система социальной защиты. Фактически страна откатилась к эпохе «дикого капитализма». Правда, не столь стремительно, как Россия — тут мы и впрямь догнали и перегнали Америку. Экономист констатирует: «...Возникает общество, где «все достается победителю».

Между прочим, тенденция не изменилась и в наши дни. Нынешним летом влиятельная «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью Пола Кругмана с выразительным заголовком «Экономика растет не для всех». «...Даже если исключить прирост капитала за счет роста фондового рынка, — пишет Кругман, ссылаясь на сведения крупнейших американских экономистов Томаса Пикетти и Эммануэля Саеца, — реальные доходы 1 процента богатейших американцев в 2004 году увеличились на 12,5 процента, а остальных граждан — лишь на 1,5 процента».

Газета продолжает: «Данные раскрывают еще две тайны. Рост экономики не затронул не только бедный и нижний средний класс, но и верхние слои среднего класса... Еще одно откровение — хорошее образование не гарантировало выгод от экономического роста. Существует устойчивый миф, упорно распространяемый такими экономистами, как председатель Экономического совета при президенте США Эдвард Лейзер, гласящий, что усугубляющееся неравенство в США — следствие расширяющегося разрыва между образованными и необразованными людьми (выделено мною. — А. К. — Та же социал-дарвинистская мифология активно насаждается в России). Данные свидетельст-

вуют о том, что в 2004 году доходы людей с высшим образованием сократились» («The New York Times» — «Известия». 24.07.2006).

Разумеется, такие кардинальные перемены не могли быть следствием лишь одного события, даже столь значительного, как крушение СССР. Хотя тот же Туроу не без яда замечает: «Теперь, без политической угрозы социализма или экономической угрозы сильным профсоюзов, эффективная заработная плата, может быть, уже не нужна».

Но дело не только в устранении конкурента в лице социализма. Другим решающим фактором стало стремительное наступление глобализации. Впрочем, взаимосвязь здесь очевидна: СССР был своего рода «удерживающим» на пути мирового капитала, и с его гибелью процесс глобализации опасно ускорился. «Настоящий ураган» — названа одна из глав книги Мартина и Шуманна. Авторы умело передают динамику происходящего: «Глобальным борцовским броском новый Интернационал капитала переворачивает с ног на голову целые страны и социальные порядки. На одном фронте он сообразно с текущей обстановкой угрожает уйти совсем, добиваясь таким образом массивных снижений налогов, а также субсидий... или бесплатного предоставления инфраструктуры. Если это не срабатывает, зачастую может помочь налоговое планирование по широко известной, отлаженной схеме: доходы показываются только в тех странах, где уровень налогообложения действительно низок. По всему миру владельцы капиталов и состояний вносят все меньший и меньший вклад в финансирование затрат на общественные нужды».

Не только коллективы отдельных предприятий, но и народы оказались не в состоянии противостоять давлению оперирующего по всему миру капитала. Перебрасывая средства из страны в страну, он получил беспрецедентную возможность навязывать свои условия. «Сорок пять марок в час за квалифицированный труд? — Мартин и Шуманн моделируют типичный диалог работодателя и работника. — Слишком дорого: британцы работают менее чем за половину этой суммы, а чехи — за одну десятую». Авторы иллюстрируют этот воображаемый разговор конкретным примером: «В таких ситуациях почти всегда имеет место откровенный шантаж. Так, например, на предприятии компании — изготовителя отопительных котлов Viessmann в Касселе, которое считается высокоэффективным, имея годовой оборот в 1,7 миллиарда марок при штате в 6500 работников, руководству оказалось достаточно объявить, что следующая серия водогрейных котлов будет производиться в Чехии. После этого 96 процентов рабочих и служащих без возражений со-

гласились работать три сверхурочных часа в неделю без дополнительной оплаты, лишь бы не был закрыт ни один цех в Германии».

Вот почему в 90-х забастовки стали экзотикой. Кого напугает забастовкой тот, кто вынужден выпрашивать работу?

Еще один метод глобализаторов — импорт рабочей силы. Кстати, им широко пользуются российские толстосумы. С чего бы, как вы думаете, в печати активно проталкивается идея о необходимости завоза в Россию одного миллиона мигрантов ежегодно? Неужто уже некому работать на наших не слишком загруженных заказами предприятиях? Конечно, демографический спад, но не настолько же... Коренным жителям не так-то просто устроиться на работу — почитайте объявления: требования сверхжесткие, причем зачастую взаимоисключающие (молодость и наличие стажа работы по специальности). А мигрантов берут охотно, потому что они готовы вкалывать за гроши. Кроме того, поскольку большинство из них — нелегалы, предприниматели, не платя социальные налоги, экономят ещё 55 процентов.

В середине 90-х я донимал лидеров КПРФ примером польской «Солидарности». «Посмотрите, — говорил я, — Валенса перевернул Польшу, используя локальную точку опоры. Возглавив рабочий комитет на родной судовой верфи, он поднял на борьбу сначала Гданьск, а затем и всю страну. Почему бы не воспользоваться этим рецептом, организовав забастовку, скажем, на ЗИЛе?»

Мои собеседники грустно качали головой: да на ЗИЛе одна лимита! Стоит заикнуться — и человек вылетает не только с работы — из общежития. Жить негде и не на что. Да они на всё пойдут, чтобы уцепиться за место...

Самым страшным последствием 90-х стал социальный регресс. Общество зримо деградировало. Да что там — оно раскололось, расщепилось на атомы. Если в начале десятилетия люди проявляли чудеса солидарности: получая нищенскую зарплату, отказывались от прибавки, которую им обещали в случае сокращения штатов, то уже в середине 90-х многотысячные коллективы равнодушно наблюдали, как собственники выгоняют сотрудников цехами — только бы не меня!

О последней новинке новорусских менеджеров со смесью отвращения и восхищения рассказывает корреспондент лондонской «Файнэншл таймс»: «По мере того, как конкуренция в российском бизнесе набирает обороты, работодатели все чаще прибегают к так называемым «стрессовым собеседованиям», призванным помочь им выбрать наиболее подходящего работника. Менеджеры по кадрам кричат на кандидатов, обливают их водой, оскорбляют и задают вопросы интимного характера».

Социальные психологи растолковывают: «Ничто... не помогает раскрыть человека так, как если плеснуть ему в лицо стакан воды. Если претендент на должность проявляет в ответ агрессивность, считается, что у него сильный характер и лидерские качества. Если такое оскорбительное действие не провоцирует реакции, то кандидат считается подходящим для босса, нуждающегося в послушном работнике, чьи амбиции ему не будут угрожать» («Файнэншл таймс». 3.07.2000. Цит. по: Inopressa.ru).

О чувствах испытуемого не говорят и не думают. Честь и просто человеческое самоуважение можно не принимать в расчет — как во времена крепостного права.

И глубже, всеохватнее процесс! Он захватил культуру — от высокой до бытовой. На благополучном (относительно, как мы могли убедиться) Западе на смену неброско одетым хиппи пришли расфранчённые яппи. Богатства перестали стесняться, его подчеркивают. Золото и драгоценные камни — вместо доступной каждому бижутерии. Шелк и шерсть заняли место нейлона и акрила. Песцовые манто выгодно подчеркнули достоинства тех, кто мог позволить себе нечто подороже, чем шубка из синтетического меха.

В России — стране-новичке на мировом рынке — нововведения довели до абсурда. Машины, одежда, интерьеры квартир и загородных домов должны были быть не просто дорогими — самыми дорогими и супермодными. С. Кургинян уверял, что на Кутузовском проспекте до недавнего времени висела растяжка: «Выбрось свой шестисотый «мерс», теперь есть тачка покруче».

Те, кто не выдерживал этой гонки за роскошью, утрачивали социальный статус. О тех, кто не мог позволить себе ничего, кроме скромного жизнеобеспечения (еда и одежда), — а это и сегодня 80 процентов жителей страны! — нечего и говорить.

И вот за этих-то «лишенцев» принялись «мастера культуры»! Не только представители «второй древнейшей», но и мэтры, еще в советские времена произведенные в лауреаты и народные, с пренебрежением отзывались о народе — «совки». При этом имелось в виду отнюдь не бывшее членство в КПСС (тут мэтры дали бы фору любому слесарю или инженеру). И даже не идеологическая ориентация (если бы все «совки» были убежденными сторонниками коммунистов, президента РФ звали бы не Владимир Владимирович, а Геннадий Андреевич). Понятие «совок» обозначало прежде всего социальное положение — поношенную одежду и пр., а уж затем «устарелое» мировоззрение.

«Совка» изображали патологическим завистником, агрессивным, опасным для более «продвинутых», а главное, более обеспеченных граждан. Синонимом «совка» стала собачья кличка «Шариков» (между прочим, это заимствование у Булгакова — свидетельство не просто тенденциозного, но и поверхностного прочтения классики. Для Булгакова и людей его круга «Шариков» — собирательный образ победителей, а не побежденных. В 1917 году столичные острословы именовали Советы солдатских депутатов «советами собачьих депутатов»*. Конечно, зло и несправедливо, но, по крайней мере, не подло).

Но проблема заключалась не только в поверхностном прочтении текстов. На самом деле постсоветская культура (именно постсоветская — представленная на всех каналах ТВ, на международных симпозиумах и мировых сценах, а не русская культура конца XX века, отброшенная на обочину) осознанно разорвала связь с отечественной классикой. Корыстно оставив за собой роль «хранительницы» бесценного наследия.

Как-то даже неловко повторять трюизм о том, что русская культура была неизменно на стороне «униженных и оскорбленных». И не просто сочувственно изображала их, но была их голосом, выразительницей мыслей и устремлений. Свой завораживающе пластичный и мощный язык она щедро предоставила «маленькому человеку», какому-нибудь Самсону Вырину или Акакию Акакиевичу, чтобы он мог рассказать о себе. С присущей ей совестью она компенсировала социальную несправедливость, которая не позволяла реальному чиновнику четырнадцатого класса, а тем более человеку из простонародья, свободно чувствовать себя в культурной среде.

К слову, раз уж зашла речь, как бы ни относиться к советской власти, она заслуживает исторической благодарности за то, что устранила эту несправедливость и избавила человека из народа от сознания социокультурной второсортности. А ведь оно мучило не только многие поколения «рядовых» выходцев из деревни, но и лучших крестьянских поэтов, вплоть до 20-х годов XX века. Вспомним хотя бы скоморошью эскападу Николая Клюева, с неприязненным любопытством запечатленную талантливым поэтом-аристократом Георгием Ивановым, до конца дней в эмиграции вздыхавшим о «золотой осени крепостного права»: «Я как-то зашел к Клюеву. Клетушка оказалась номером «Отель де Франс»... Клюев сидел на тахте, при воротничке и галстукке и читал Гейне в подлиннике.

— Маракую малость по-бусурманскому, — заметил он на мой удивленный (как характерен этот удивленный взгляд аристократа на читающего по-немецки мужика! — А. К.) взгляд. — Маракую малость.

— Да что ж это я, — взволновался он, — дорогого гостя как принимаю. Садись, сокол, садись, голубь. Чем угощать прикажешь? Чаю не пью, табаку не курю, пряника медового не припас. А то, — он подмигнул, — если не торопишься, может, пополудничаем вместе. Есть тут один трактирчик. Хозяин хороший человек, хоть и француз. Тут, за углом. Альбертом зовут.

Я не торопился.

— Ну вот и ладно, ну вот и чудесно. Сейчас обряжусь...

— Зачем же вам переодеваться?

— Что ты, что ты — разве можно? Собаки засмеют. Обожди минутку — я духом.

Из-за ширмы он вышел в поддевке, смазных сапогах и малиновой рубашке:

— Ну вот — так-то лучше!

— Да ведь в ресторан в таком виде как раз не пустят.

— В общую и не просимся. Куда нам, мужичкам, промеж господ? Знай, сверчок, свой шесток. А мы не в общем, мы в клетушку-комнатушку, отдельный то есть. Туда и нам можно...» (Иванов Г. Из литературного наследия. М., 1996).

Ничего подобного нет у лучшего поэта из советской деревни — Николая Рубцова. Да, он мучительно переживал неустроенность и непризнанность, — но это удел всех поэтов, в том числе из дворянства (наиболее яркий и симпатичный пример — Аполлон Григорьев). Однако его творчество начисто свободно от социокультурных комплексов. Он не видел ничего экстраординарного в стремлении «книжку Тютчева и Фета продолжить книжкой Рубцова».

И вот на новом витке исторического развития элита отказывает миллионам «совков» в праве на причастность к культуре, на присутствие в ней. «Осовремененное» прочтение «Собачьего сердца» — наглядный пример. Понимаю, это — карикатура, но где же сочувственно выписанные образы простых людей, характерные — повторю — для русского искусства? Припомните хотя бы один в нынешнем российском кинематографе, в глянцевах книжках. Никого, голо!

Но «простонародье» не только изгоняют из культуры. Его лишают языка на бытовом, элементарном уровне. С грубой, я бы даже сказал — наглой наглядностью это проявляется в конструировании иноязычного сленга для из-

бренных. Все эти «дискурсы» у интеллектуалов, «фьючерсы» у бизнесменов, «сомелье» у гурманов и «дайвинг» у богатеньких бездельников создают намеренно замкнутую языковую среду, агрессивно отторгающую «социально чуждых». Любопытно, что наряду с иноязычными заимствованиями эту среду формирует назойливое использование матерной лексики — выразительный штрих, характеризующий современную российскую элиту.

Тем, кто сочтет мои размышления плодом излишней мнительности, советую ознакомиться с газетной полемикой по поводу робких усилий депутатов Государственной Думы внести хотя бы некоторую нормативность в языковой беспредел. Вот где обнаруживаются и чудовищная подозрительность (якобы обществу хотят навязать пресловутые «мокроступы»), и далеко идущие политические параллели (вроде бы за изгнание англицизмов в Иране взялся Ахмадинежад), и попросту неприкрытая злоба. И все это у кондовых тружеников пера, отродясь не проявлявших интереса к «вопросам языкознания». Очевидно, что у сугубо научной, на первый взгляд, проблемы имеется актуальнейшая политическая подоплека.

Но похищение языка не ограничивается изменением словарного состава. Те же СМИ пристрастно пересматривают ценностно-смысловые установки языка. Все, выношенное народом как выражение его понимания жизни, добра и зла, должного и запретного, подвергается неявной, но жесткой цензуре. Часто ли вы видите в печати слова «правда», «справедливость», «равенство», «солидарность», «социальная защита»? Да и само слово «народ» сплошь и рядом подменяется «населением», а то и «электоратом».

Погруженные в соответствующую языковую практику массы теряют возможность выразить свое недовольство, боль, свои требования. Они говорят о справедливости, а пресса и социальные верхи обвиняют их в «зависти». Пробуют заикнуться о своих правах, а им наклеивают ярлык «экстремистов». Пытаются уберечь от публичного разврата детей — «ретрограды». Тревожатся о судьбе Родины — «национал-патриоты» и даже «фашисты». У нас отобрали слова, поставили под подозрение их смыслы, объявили опасным вековой опыт, в этих смыслах воплощенный. Лишили возможности говорить о себе и быть услышанными.

Это тем более легко проделать с народом атомизированным. Простейший пример: большинство из нас с трудом дотягивает до очередной полочки. Однако правительство и СМИ наперебой рапортуют об увеличении некой средней зарплаты. И у человека возникает ощущение, что все богатые, только он один

беден. И он замыкается в себе, переживает свою бедность как позорную болезнь. Боится признаться в ней. И уж, конечно, он не откликнется на призыв ославленных той же прессой левых активистов выйти на демонстрацию протеста.

Проблема похищения языка — не сугубо российская. Это наиболее драматичное следствие той ситуации, в которой оказался весь мир на рубеже веков. Французский философ Ален Бросса с горечью констатирует: «Плебей лишен слова». Бросса разворачивает пугающую картину: «...Всегда имеется это невыговариваемое своеобразного опыта людей, опыта плебса в бесконечно разнообразных воплощениях, которому свойственно постоянно терпеть неудачу в том, чтобы быть услышанным в качестве узаконенной единичности, найти свое место в поле человеческого многообразия, сделать себя зримым и приемлемым в виде позиции. Есть этот плебс, чьим свойством будет либо неумение «членораздельно изложить», либо неумение заставить себя слушать, либо упорство в том, чтобы скорее кричать, вопить, осыпать проклятиями, чем связно рассуждать, либо, наконец, вынужденно говорить заимствованными словами — всегда испытывая затруднения с языком» (Бросса А. Невыговариваемое. В сб.: Мир в войне: победители/побежденные. Пер. с фр. М., 2003).

Бросса ссылается и на работы других мыслителей по той же тематике. Как видим, на Западе проблема остро ощущается и активно обсуждается.

Но если крупные социальные группы и целые народы лишить не только права на справедливый учет их интересов, но даже возможности выговорить жалобу, протест, мечту, это рано или поздно приведет к взрыву. Не случайно статья Бросса опубликована в сборнике, основной темой которого стали события 11 сентября 2001 года. Эту трагедию французские интеллектуалы рассматривают как закономерный, хотя, конечно же, «нигилистический» ответ на социальную и национальную несправедливость, воплотившуюся в образе Америки.

Показательно: в предисловии к сборнику его составитель Мишель Сюриа обращается к теме «конца Истории», затронутой нами в разговоре о ситуации 90-х годов. Не сдерживая сарказма, Сюриа пишет: «Больше нет конфликтов... Нет конфликтов, потому что больше нет Истории; нет Истории, потому что больше нет политик. Нет политик, потому что повсюду восторжествовала «единственно возможная политика», политика капитала, политика рынка».

Но, как это всегда случается в жизни, не подчиняющейся ни произволу силы, ни диктату броских формулировок, то, что представлялось «концом Истории», стало началом нового этапа развития. Да, Америка использовала 11

сентября для расширения своего контроля над миром. Однако именно подготовка иракской кампании, замешенной на слишком очевидной лжи, породила мощную антивоенную волну, вернувшую массы на арену Истории. И если в предыдущее десятилетие западные интеллектуалы высказывали сомнения в том, а существует ли вообще общественная сила, которую, по традиции, именуют «массами» (Ж. Бодрийар), то уже в 2002—2003 годах они могли лицезреть эту «фикцию» на площадях европейских столиц. Миллионные протесты, которые мы наблюдаем сейчас, — это вершина (или, быть может, только промежуточная точка) процесса, начавшегося четыре года назад.

Наиболее проницательные аналитики уже сигнализируют о кардинальной смене приоритетов. Самый значимый из таких сигналов — статья Збигнева Бжезинского, появившаяся в начале года в американской прессе и сразу же перепечатанная в России. «Соединенным Штатам следует взглянуть в глаза новой и чрезвычайно важной реальности, — предупреждает патриарх американской политики. — В мире происходит беспрецедентное по масштабу и интенсивности пробуждение политической активности» («Независимая газета». 17.02.2006).

Казалось бы, заокеанская элита должна только радоваться — не кто иной, как президент США только что объявил главной целью американской политики «продвижение демократии по всему миру». Но Бжезинскому нет дела до демагогии официального Вашингтона. Он пишет о реальных, а не декларируемых интересах Соединенных Штатов, а потому прямо указывает, что рост политической активности масс является главной угрозой американскому господству: «Основная проблема нашего времени — не терроризм, а всеобщее ожесточение, связанное с происходящим в мире пробуждением политической активности, носящей массовый и разрушительный характер... Энергия возбужденных масс преодолевает границы и бросает вызов ныне существующим государствам и всей мировой иерархии во главе с США».

Со старческой подозрительностью Бжезинский видит в происходящем результат молодежного бунтарства: «...Демографическую революцию... можно сравнить с политической бомбой замедленного действия... Быстрый рост числа людей моложе 25 лет в странах «третьего мира» означает выход на политическую арену огромной массы встревоженных юношей и девушек. Их умы взволнованы доносящимися издали звуками и образами, которые лишь усиливают их недовольство в отношении окружающей действительности. Их протестные настрое-

ния способны трансформироваться в «революционный меч», поднятый среди десятков миллионов студентов, обучающихся в вузах развивающихся стран и в большей или меньшей степени интеллектуально развитых. Выходцы в основном из низших, социально незащищенных слоев среднего класса, эти миллионы студентов, воодушевленных сознанием социальной несправедливости, — не кто иные, как затаившиеся революционеры».

Можно было бы поспорить со столь очевидной геронтологической односторонностью концепции. А пожалуй, и посочувствовать Бжезинскому: пытаться противостоять молодому напору с охранительных позиций бесперспективно.

Впрочем, отчасти теория Бжезинского справедлива, хотя, конечно, не объясняет всех аспектов явления. И уж, разумеется, она более чем характерна! Не только как точка зрения престарелого политика, опасавшегося революции молодых, но и как позиция дряхлеющего западного общества.

Однако до поры я воздержусь от спора. Зафиксирую только: мир в очередной раз меняется. Причем, как и в 90-е годы, процесс не ограничивается политикой. Меняются ведущие социальные силы, география основных событий (Бжезинский не случайно выделяет «третий мир»). А главное — мироощущение.

Искусство с присущей ему чуткостью первым откликнулось на перемены. Показательна ситуация в кино — наиболее популярном виде искусства. Едва ли не все работы, отмеченные на самых престижных международных фестивалях этого года, имеют явно выраженный протестный характер. Гран при в Каннах получила картина Кена Лоуча «Ветер, качающий вереск», напоминающая о борьбе Ирландии против английской оккупации. В Берлине приз за лучший сценарий получила лента Майкла Уинтерботтома «Дорога в Гуантанамо», показывающая американских «борцов за демократию» в роли тюремщиков.

Ещё один призер Каннского фестиваля — фильм Аки Каурисмяки «Огни городской окраины» — о простом охраннике, которого выбрасывают на обочину крутые жизненные обстоятельства. В Венеции главный приз получила не великосветская «Королева», а лента «Тихая жизнь» о людях из китайской глубинки. Искусство вновь поворачивается к человеку с улицы и дает ему возможность рассказать о себе. А можно сформулировать и так: «простонародье» само берет слово, возвращаясь не только на киноэкран, но и на политическую сцену.

Еще совсем недавно бесспорным хозяином жизни был преуспевающий менеджер или биржевик. Десяти лет не прошло, как Лестер Туроу мрачно констатировал: «Возникает общество, где «все достается победителю». А ныне орган российских биржевиков публикует статью под недвусмысленным заголовком: «Победителей судят». С ужасом, не лишенным комизма, обозреватель отмечает: «Крупные политики, руководители мощных корпораций, все баловни фортуны теперь живут в непримиримо враждебной среде» («Коммерсантъ». 4.08.2006).

Ничего не имею против, ведь эти «баловни» благоденствуют за наш счет (вспомним хотя бы воровскую приватизацию). И хотя газета спешит уточнить, что нашу страну общая тенденция пока не затронула, тревога «Коммерсанта» звучит для меня музыкой надежды. Дойдет и до нас (особенно если обделенные россиянской жизнью проявят хоть какую-то активность!).

Будет праздник и на наших улицах и площадях.